

УДК 811.511

<https://doi.org/10.33619/2414-2948/119/60>

СЕМАНТИЧЕСКАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ НЕОПРЕДЕЛЁННЫХ МЕСТОИМЕНИЙ: ТИПОЛОГИЯ И УНИВЕРСАЛИИ

©Шерматова А. М., ORCID: 0009-0000-0447-8384 SPIN-код: 5817-4253, Ошский технологический университет им. М. М. Адышева, г. Ош, Кыргызстан, aizhanyls@mail.ru

SEMANTIC CLASSIFICATION OF INDEFINITE PRONOUNS: TYPOLOGY AND UNIVERSALS

©Shermatova A., ORCID: 0009-0000-0447-8384, SPIN-code: 5817-4253, Osh Technological University named after M. M. Adyshev, Osh, Kyrgyzstan, aizhanyls@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена исследованию семантической классификации неопределённых местоимений в английском и кыргызском языках. Рассматриваются основные подходы к определению категории неопределённости в языкознании, выделяются семантические классы неопределённых местоимений по референтному, количественному и отрицательному признакам. Особое внимание уделяется выявлению универсалий, свойственных разным языкам, а также национально-специфическим особенностям функционирования местоимений в английской и кыргызской системах. В сопоставительном анализе обнаруживаются как эквивалентные, так и лакунарные явления, что позволяет уточнить типологические характеристики исследуемых языков. Полученные результаты могут быть использованы в лексикографии, теории перевода и практике преподавания английского языка кыргызоязычным студентам.

Abstract. This article examines the semantic classification of indefinite pronouns in English and Kyrgyz. It examines the main approaches to defining the category of indefiniteness in linguistics, identifying semantic classes of indefinite pronouns based on referential, quantitative, and negative features. Particular attention is paid to identifying universals common to different languages, as well as nationally specific features of pronoun functioning in the English and Kyrgyz systems. A comparative analysis reveals both equivalent and lacunary phenomena, allowing for a more precise typological analysis of the languages under study. The results obtained can be used in lexicography, translation theory, and the practice of teaching English to Kyrgyz-speaking students.

Ключевые слова: неопределённые местоимения; семантика; прагматика; классификация; универсалии; английский язык; кыргызский язык; сопоставительная типология; перевод; лексикография.

Keywords: indefinite pronouns; semantics; pragmatics; classification; universals; English language; Kyrgyz language; comparative typology; translation; lexicography.

Категория неопределённости является универсальной для всех языков мира, поскольку она отражает когнитивную необходимость человека выражать неточность, неясность или неполноту информации. В отличие от определённых референтов, неопределённые элементы позволяют носителю языка оставлять пространство для интерпретации, уклоняться от категоричности, смягчать высказывание или передавать состояние неуверенности. Одним из ключевых языковых средств выражения неопределённости выступают неопределённые

местоимения, которые охватывают широкий спектр значений: от указания на неустановленного субъекта или объекта (*someone, anybody, nobody*) до передачи неопределённого количества (*something, nothing*). Несмотря на то что данная категория активно изучалась в русистике, англистике и тюркологии, вопросы типологии неопределённых местоимений и выявления их универсальных характеристик остаются недостаточно разработанными. Особенно значимым является сопоставление английской и кыргызской систем, так как они представляют разные типы языков: аналитический и агглютинативный, что позволяет выявить как универсальные, так и уникальные черты [1].

Целью настоящего исследования является описание семантических классов неопределённых местоимений и выявление универсальных закономерностей их функционирования на материале английского и кыргызского языков. Для достижения поставленной цели предполагается решение следующих задач: проанализировать основные теоретические подходы к определению категории неопределённости и неопределённых местоимений в современной лингвистике; выявить и классифицировать семантические группы неопределённых местоимений в английском и кыргызском языках; сопоставить функционирование данных единиц в двух языковых системах и определить как универсальные, так и специфические особенности их употребления; рассмотреть прагматический аспект использования неопределённых местоимений в речи (выражение вежливости, уклончивости, неточности); оценить возможности применения полученных результатов в теории перевода, лексикографии и методике преподавания иностранных языков.

Материалом исследования послужили тексты из Национального корпуса английского языка (BNC, COCA), а также корпусные и аутентичные тексты кыргызского языка (публицистика, художественная литература, устные выступления). Для достижения цели были использованы следующие методы: корпусный анализ, позволяющий определить частотность употребления неопределённых местоимений в реальной речевой практике; сравнительный метод, применяемый для выявления сходств и различий в семантической структуре и употреблении местоимений в двух языках; семантико-прагматический анализ, направленный на изучение функций неопределённых местоимений в контексте и их роли в реализации коммуникативных стратегий. Исследование базируется на сочетании типологического и прагматического подходов, что обеспечивает комплексное описание категории неопределённых местоимений и позволяет установить как универсальные, так и культурно-языковые закономерности их функционирования [18-20].

Категория неопределённости занимает особое место в системе языковых универсалий, поскольку она отражает одно из базовых когнитивных состояний человека — необходимость выражать неполноту, неточность или неясность знания. В отличие от категории определённости, которая фиксирует чёткие границы референта, неопределённость позволяет оставлять открытым вопрос о его идентификации, количестве или характеристиках.

В лингвистике данная категория рассматривается с разных точек зрения. Так, в семантической парадигме неопределённость связывается с отсутствием конкретной идентификации объекта или субъекта речи [6, 7]. По мнению Дж. Лайонза, неопределённость может быть выражена как на уровне лексики (местоимения, наречия, частицы), так и на уровне синтаксиса, где она проявляется в формах неопределённых артиклей, неопределённых квантификаторов (*some, any*).

В рамках функциональной грамматики неопределённость трактуется как функционально-семантическая категория, реализующаяся через различные грамматические и лексические средства [1, 14]. Например, в английском языке это система неопределённых

местоимений (*someone, something, somewhere*), а в кыргызском — аналитические конструкции (*кимдир-бирөө, бир нерсе*). С точки зрения прагматики неопределённость тесно связана с коммуникативными стратегиями уклончивости, вежливости и смягчения категоричности. Использование неопределённых местоимений позволяет говорящему снимать ответственность за точность информации и перекладывать интерпретацию на адресата. Например, выражения *some people say* или *кимдир айтат* функционируют как эвфемистическая форма передачи сомнительного или спорного мнения [2, 3].

В когнитивной лингвистике неопределённость рассматривается как часть языковой картины мира [4, 13]. Человек мыслит не только через чёткие категории, но и через размытые, неопределённые границы. Языковые средства, выражающие неопределённость, фиксируют именно это когнитивное свойство мышления.

Особое внимание в типологических исследованиях уделяется универсальности категории неопределённости. Все языки обладают средствами выражения неопределённости, однако их структурные и семантические реализации различны [5]. В аналитических языках (английский) система неопределённых местоимений более дифференцирована, тогда как в агглютинативных (кыргызский) чаще встречаются составные или аффиксальные формы, образующиеся от базовых местоимений с помощью частиц (*кимдир, бирөө, эч ким*).

Понятие неопределённости в языкознании является междисциплинарным: оно объединяет семантический, грамматический, прагматический и когнитивный аспекты. Изучение неопределённых местоимений как ключевого средства выражения этой категории позволяет не только выявить универсальные механизмы функционирования, но и показать культурно-языковую специфику исследуемых языков.

Английская традиция. Изучение категории неопределённых местоимений в англистике восходит к описательной грамматике XIX века, где внимание уделялось главным образом их морфологической и синтаксической классификации [11]. В XX веке акцент был смещён на семантико-прагматический аспект. Работы Lyons (1995) и Quirk (1985) рассматривают неопределённые местоимения в рамках функциональной грамматики, подчёркивая их роль в выражении референтной неопределённости [8, 10]. Важным вкладом стали исследования Haspelmath (1997), который предложил типологическую классификацию неопределённых местоимений, опираясь на широкий корпус европейских и неевропейских языков. В англоязычной прагмалингвистике также анализируется употребление неопределённых местоимений в дискурсе: выражение недоверия, дистанцирование от источника информации, смягчение категоричности (*somebody said, anyone can join*).

Русская традиция. В отечественном языкознании вопросы неопределённости были подробно рассмотрены в трудах В. В. Виноградова (1950), который описал систему русских местоимений и выделил среди них разряд неопределённых [12]. Функционально-семантический подход получил развитие в работах А. В. Бондарко (2001), где неопределённость трактуется как функционально-семантическая категория, пересекающаяся с определённой/неопределённой, модальностью и отрицанием [1]. В русской лингвистике значительное внимание уделяется также стилистическому и прагматическому аспекту употребления неопределённых местоимений [9], где они рассматриваются как средство выражения уклончивости, неопределённой оценки и речевой экономии. Сравнительные исследования русских неопределённых местоимений с другими языками (например, немецким или английским) выявляют универсальные тенденции: наличие категорий «кто-то», «что-то», «где-то» при различиях в их структурной организации.

Кыргызская традиция. В тюркологии и кыргызской грамматической традиции неопределённые местоимения исследовались в меньшей степени. В классических

грамматиках кыргызского языка [15, 18] неопределённые местоимения описывались как особый разряд, образующийся преимущественно с помощью частиц (*кимдир*, *бирөө*, *эч ким*, *бир нерсе*). Современные исследования [16, 17] обращаются к прагматическим особенностям употребления этих местоимений, показывая их связь с культурными нормами вежливости, непрямости и уклончивости в коммуникации. В кыргызской лингвистике также подчеркивается агглютинативный характер образования неопределённых местоимений, где частицы *-дир*, *бир-* играют ключевую роль в формировании значения неопределённости. Сопоставительные исследования английских, русских и кыргызских неопределённых местоимений пока носят фрагментарный характер. Однако существующие данные позволяют выявить общие закономерности: во всех трёх языках реализуется базовый набор значений (неопределённая личность, предмет, количество, место, время), при этом английский язык демонстрирует большую морфологическую устойчивость (*somebody*, *anybody*, *nobody*), русский — гибкость семантических оттенков (*кто-то*, *кое-кто*, *кто-либо*), а кыргызский — структурную компактность и активное использование аффиксов и частиц (*кимдир*, *бирөө*, *эч ким*). Эти различия обусловлены как типологическими характеристиками языков (аналитический, флективный, агглютинативный), так и культурно-коммуникативными особенностями.

Местоимения традиционно определяются как слова, не называющие предметы и явления напрямую, а указывающие на них в ситуации речи. Их семантика характеризуется высокой степенью абстрактности и релятивности: значение местоимения всегда соотносено с речевой ситуацией и контекстом. В этом смысле семантика местоимений носит деиктический характер, т.е. указывает на участников, объекты или обстоятельства, которые должны быть интерпретированы адресатом. Неопределённые местоимения занимают особое место в системе: они обозначают референта, который не имеет точной идентификации (например, *someone*, *something* в английском; *кимдир*, *бирөө*, *бир нерсе* в кыргызском).

Семантика неопределённых местоимений может включать: личностное значение (*someone*, *anybody*, *кимдир-бирөө*); предметное значение (*something*, *anything*, *бир нерсе*); количественное значение (*some*, *any*, *бир аз*, *бир нерсе көп*); локативное значение (*somewhere*, *бир жерде*); темпоральное значение (*sometime*, *бир убакта*). Их семантика отражает «размытые границы» референта и позволяет передавать разные оттенки неопределённости — от возможности существования объекта до полной невозможности его идентификации. С прагматической точки зрения местоимения выполняют не только номинативную, но и коммуникативную функцию. Употребление неопределённых местоимений связано с рядом речевых стратегий: стратегия уклончивости и неопределённости (*someone told me... / кимдир бирөө айтты...*), когда говорящий намеренно избегает конкретизации; стратегия вежливости, выражающая уважение к адресату и смягчение категоричности (*Could you ask somebody else?*); стратегия дистанцирования от информации, когда говорящий не берёт на себя ответственность за утверждение (*Some people believe...*); стратегия речевой экономии, позволяющая минимизировать усилия по идентификации (*anyone can do it*).

Особое внимание заслуживает различие в прагматике английских и кыргызских неопределённых местоимений. В английском языке они часто выполняют функцию смягчения (*politeness strategies*), что связано с культурным кодом англоязычного общества, ориентированного на минимизацию прямых утверждений. В кыргызском языке неопределённые местоимения нередко используются как форма косвенной вежливости и культурной уклончивости, что отражает ценность «айтып коюу» (намёка, непрямого выражения).

В рамках общей теории функциональной семантики [1, 8] местоимения рассматриваются как семантико-прагматическая категория, объединяющая когнитивные и коммуникативные свойства языка. Их категориальный статус определяется следующими характеристиками: отсутствие лексической номинации при высокой коммуникативной значимости; способность передавать как определённые, так и неопределённые значения; тесная связь с когнитивными категориями «определённость/неопределённость» и «знание/незнание»; универсальность при национально-культурной специфике реализации.

Семантика и прагматика местоимений представляют собой сложное единство, в котором абстрактное значение сочетается с конкретной коммуникативной функцией. Неопределённые местоимения являются особенно важными в этом отношении, так как они не только указывают на неидентифицированные объекты, но и отражают особенности речевого поведения, национальной культуры и когнитивных стратегий носителей языка.

Семантическая классификация неопределённых местоимений позволяет выделить их группы в зависимости от признака, который они актуализируют: референтность, количественность, отрицательность или неограниченность. Рассмотрим основные классы на материале английского, кыргызского и русского языков.

Неопределённые местоимения могут указывать на неустановленного субъекта или объекта, при этом отсутствует конкретная идентификация. В английском языке данная группа представлена местоимениями *someone, somebody, anyone, anybody, everyone, everybody, no one, nobody*. Они обозначают личность, но оставляют открытым вопрос о её конкретной характеристике. *Someone is waiting for you outside.* (неопределённый субъект). *Nobody knows the answer.* (отсутствие референта). В кыргызском языке аналогичные функции выполняют формы *кимдир-бирөө* («кто-то»), *бирөө* («кто-то, один человек»), *эч ким* («никто»). Их образование демонстрирует агглютинативный характер: частица *-дир* или слово *бир* добавляется к основе *ким* («кто»).

Референтный класс включает местоимения, обозначающие неопределённого участника ситуации, которые могут иметь как положительное (*someone, кимдир*), так и отрицательное (*nobody, эч ким*) значение.

Вторая группа охватывает местоимения, обозначающие неопределённое количество предметов или явлений. В английском языке сюда относятся *something, anything, nothing*. *There is something on the table.* (неопределённый объект). *I don't want anything right now.* (отрицательная квантификация).

В кыргызском языке аналогичные значения передаются через сочетания *бир нерсе* («что-то»), *эч нерсе* («ничего»), *кандайдыр бир нерсе* («какое-то что-то»). Важно отметить, что в кыргызском языке форма часто строится аналитически: основа *нерсе* («вещь, предмет») в комбинации с частицами *бир, эч* задаёт оттенки неопределённости. Местоимения этого класса позволяют выражать неясное или неопределённое количество предметов, что особенно важно для повседневной коммуникации, когда говорящий не нуждается в конкретизации.

Особую группу составляют неопределённые местоимения с компонентом отрицания. В английском языке это *nobody, nothing, no one*, в русском — *никто, ничто, никогда*, в кыргызском — *эч ким, эч нерсе, эч качан*. *Nobody came to the meeting. Эч ким келген жок.* («Никто не пришёл»). Эти местоимения обладают важной семантической функцией: они не просто обозначают неопределённость, но фиксируют её отсутствие. По сути, это пересечение категории неопределённости и отрицания, что делает данный класс переходным.

В прагматическом плане такие формы часто используются для категоричного отрицания: *Nobody cares* — утверждение абсолютного отсутствия интереса. В кыргызском языке наличие частицы *эч* усиливает категоричность и окончательность отрицания.

Местоимения с компонентом неограниченности, к этому классу относятся местоимения, выражающие широкую или неограниченную возможность выбора референта. В английском языке это *anyone, anything, anywhere*, в русском — *кто-либо, что-либо, где-либо*, в кыргызском — *кимдир-бирөө, кандайдыр бир нерсе, ким каалаган*. *Anyone can apply for the program*. (любой человек, без ограничений). *Каалаган ким катыша алат*. («Кто угодно может участвовать»).

Семантика данных местоимений включает значение открытого множества, когда говорящий указывает на гипотетическую возможность выбора, не фиксируя конкретного референта. Этот класс играет важную роль в юридических и официальных текстах, где требуется максимальная обобщённость и универсальность формулировок. Семантическая классификация неопределённых местоимений позволяет выделить четыре основных класса: референтный, количественный, отрицательный и неограниченный. Каждый из них реализуется в английском и кыргызском языках через разные структурные средства: аналитические и морфологические. Несмотря на различия, прослеживаются и универсальные закономерности — обязательное наличие средств для выражения субъекта, объекта, количества и отрицания. Категория неопределённости проявляется во всех языках мира и потому считается универсальной. Однако конкретные формы её реализации, а также прагматические функции варьируются в зависимости от типологических и культурных особенностей языка. Во всех исследованных языках (английский, русский, кыргызский) неопределённые местоимения охватывают четыре базовые семантические сферы:

Личность – обозначение неопределённого субъекта (*someone, кто-то, кимдир*). Все языки имеют средства для указания на «неизвестного/неопределённого» человека.

Предмет – обозначение неопределённого объекта (*something, что-то, бир нерсе*). - Здесь проявляется универсальная когнитивная потребность говорить о предмете без конкретизации.

Количество – передача неопределённой квантификации (*some, any, кое-что, бир аз*). Все языки используют специальные формы или частицы, чтобы зафиксировать «частичность» или «неопределённое множество».

Локализация – указание на неопределённое место/время (*somewhere, когда-то, бир жерде, бир убакта*). Эта категория универсальна, так как человек всегда мыслит в координатах времени и пространства. Универсалии показывают, что независимо от строя языка система неопределённых местоимений должна включать механизмы для обозначения личности, предмета, количества и локализации.

Несмотря на универсальные основы, языки демонстрируют вариативность в организации данной категории.

Английский язык характеризуется детальной морфологической дифференциацией. Каждая семантическая сфера имеет разветвлённый набор форм: личность: *someone, somebody, anyone, anybody, everyone, nobody*; предмет: *something, anything, nothing, everything*; локализация: *somewhere, anywhere, nowhere, everywhere*. Такая системность и регулярность связана с аналитическим характером английского языка и необходимостью чёткой формализации значений.

Кыргызский язык демонстрирует компактность и аналитичность системы. Большинство неопределённых местоимений образуются с помощью сочетаний основ (*ким, нерсе, жер, убакыт*) с частицами *бир, эч, кандайдыр*; *кимдир-бирөө* – «кто-то»; *эч ким* – «никто»; *бир*

нерсе – «что-то»; эч качан – «никогда». Такой способ образования отражает агглютинативный характер кыргызского языка, где вместо множества отдельных слов используется ограниченный набор основ и словообразовательных аффиксов/частиц.

Русский язык занимает промежуточную позицию. Он сочетает морфологические средства (*кто-то, кое-что, кто-либо*) и словообразовательные модели (*никто, ничто*), что обусловлено флективным строем. Специфика заключается в том, что английский язык предлагает богатый инвентарь форм, кыргызский — более экономный и гибкий, а русский соединяет оба подхода. Прагматический аспект неопределённых местоимений также зависит от культурных норм общения.

В английском языке неопределённые местоимения часто связаны со стратегиями вежливости и смягчения категоричности. Например: *Could you ask somebody else?* — не прямое указание. *Would you like something to drink?* — форма вежливого предложения. Это отражает культурную установку на избегание прямых приказов и категоричных утверждений.

В кыргызском языке неопределённые местоимения часто выражают уклончивость и косвенность: *Кимдир бирөө айтты* — «Кто-то сказал», используется, когда говорящий не хочет прямо назвать источник. *Бир нерсе болду* — «Что-то произошло», употребляется для смягчения или умолчания деталей. Такая стратегия связана с культурной ценностью «намёка», непрямого выражения и сохранения гармонии в коммуникации.

В русском языке неопределённые местоимения нередко выполняют функцию неопределённости и неопределённой оценки: *Кто-то позвонил, но я не ответил. Кое-что я могу рассказать*. Здесь неопределённые местоимения часто используются для передачи «полутонов», оттенков субъективности и неопределённой модальности. Прагматическая вариативность отражает разные коммуникативные модели: англоязычная культура ориентирована на формализованную вежливость, кыргызская — на уклончивость и косвенность, русская — на модальную неопределённость и субъективность. Сопоставительное изучение английских и кыргызских неопределённых местоимений позволяет выявить не только их структурные и семантические соответствия, но и зоны расхождения, где возникают трудности в переводе и интерференция в речи билингвов. При переводе неопределённых местоимений между английским и кыргызским языками можно выделить три основных типа соответствия:

1. Полная эквивалентность — местоимения имеют прямые соответствия: *someone* ↔ *кимдир-бирөө*; *nobody* ↔ *эч ким*; *something* ↔ *бир нерсе*; *nothing* ↔ *эч нерсе*.

2. Частичная эквивалентность — значение совпадает не полностью, требуются дополнительные пояснения: *anyone* ↔ *ким болсо да / каалаган ким* (в кыргызском более эксплицитно выражается идея «любой»); *somebody* ↔ *бирөө* (в кыргызском форма может означать не только «кто-то», но и «один человек»).

3. Лакуны (безэквивалентность) — отсутствует точный перевод: английское *everybody / everyone* не имеет прямого слова-эквивалента в кыргызском, чаще переводится описательно (*баары, бардык адамдар*); Кыргызское *кандайдыр бир нерсе* («какая-то вещь») не всегда передаётся одной английской формой, требуется контекст (*something, anything*).

При переводе необходимо учитывать не только лексическое значение, но и прагматический контекст, в котором используется местоимение. Из-за различий в структуре систем неопределённых местоимений у кыргызоязычных студентов, изучающих английский язык, возникают типичные ошибки:

Грамматическая интерференция: *he didn't say nothing* вместо *He didn't say anything* (влияние русской/кыргызской двойной отрицательной конструкции *эч нерсе айткан жок*).

Семантическая подмена: использование somebody вместо anybody в отрицательных и вопросительных предложениях (I didn't see somebody вместо I didn't see anybody). Чрезмерная конкретизация: перевод someone как бирөө эле («только один человек»), хотя в английском значение более широкое. Ошибки в прагматике: недостаточное использование anyone / anything в формальных высказываниях, что делает речь билингвов более прямой и менее вежливой по сравнению с нормами английского языка. Ошибки билингвов связаны как с грамматическими расхождениями (система отрицания), так и с культурно-прагматическими различиями. Сравнительный анализ показывает, что несмотря на структурные различия, английский и кыргызский языки демонстрируют универсальные категории в системе неопределённых местоимений: личность (*someone, кимдир*), предмет (*something, бир нерсе*), количество (*some, бир аз*), отрицание (*nobody, эч ким*), неограниченность (*anyone, ким болсо да*). На основе этих универсалий можно предложить единую типологию неопределённых местоимений, включающую четыре базовых параметра: референтность — субъект/объект неопределённого характера; квантификация — неопределённое количество; отрицание — отсутствие референта; неограниченность — открытый выбор, универсальность.

Эта типология позволяет систематизировать материал разных языков и выявить как совпадения, так и национально-специфические особенности. В частности, английский язык демонстрирует формальную регулярность (*some-/any-/no- + one/body/thing*), тогда как кыргызский — гибкость аналитических комбинаций (*ким + бир, нерсе + эч*). В ходе работы было рассмотрено понятие неопределённости как универсальной языковой категории, проанализированы теоретические подходы к её изучению в английской, русской и кыргызской лингвистических традициях. Проведена семантическая классификация неопределённых местоимений по четырём основным признакам: референтность, количественность, отрицание и неограниченность. Сопоставительный анализ английской и кыргызской систем показал как наличие эквивалентов, так и лакунарные зоны, требующие контекстуальной интерпретации или описательного перевода.

Исследование подтвердило наличие универсальных категорий (личность, предмет, количество, локализация), представленных во всех языках. При этом культурно-языковая специфика проявляется в степени дифференцированности систем: английский язык характеризуется регулярной морфологической организацией (*some-/any-/no- + one/body/thing*), кыргызский — компактностью и аналитическими конструкциями (*кимдир-бирөө, бир нерсе, эч ким*), русский — промежуточным положением с богатой словообразовательной системой (кто-то, кое-что, кто-либо). В прагматическом плане английский язык ориентирован на стратегии вежливости и смягчения категоричности, кыргызский — на уклончивость и косвенность, русский — на неопределённую оценку и субъективность.

Дальнейшее развитие данной проблематики может быть связано с: корпусным анализом, направленным на выявление частотности употребления неопределённых местоимений в разных жанрах дискурса (разговорный, политический, медиатексты); прагматическими исследованиями, изучающими роль неопределённых местоимений в стратегиях вежливости, уклончивости и косвенности: кросс-лингвистическим расширением, включающим сопоставление английского и кыргызского материала с другими тюркскими и европейскими языками для уточнения универсалий; прикладными аспектами — методика преподавания английского языка кыргызоязычным студентам, переводоведческие практики, а также разработка двуязычных словарных статей с учётом прагматической функции местоимений.

Список литературы:

1. Бондарко А. В. Основы функциональной грамматики: языковая интерпретация и идеи времени. СПб., 1999. 257 с.
2. Chomsky N. The minimalist program. MIT press, 2014.
3. Cruse A. Meaning in language: An introduction to semantics and pragmatics. 2004.
4. Evans V., Green M. Cognitive linguistics: An introduction. Routledge, 2018. <https://doi.org/10.4324/9781315864327>
5. Haspelmath M. Indefinite pronouns. Oxford University Press, 1997. 380 p. <https://doi.org/10.1093/oso/9780198235606.001.0001>
6. Huddleston R., Pullum G. The Cambridge grammar of the English language // Zeitschrift für Anglistik und Amerikanistik. 2005. V. 53. №2. P. 193-194. <https://doi.org/10.1515/zaa-2005-0209>
7. Jespersen O. The Philosophy of Grammar, London: George and Allen & Unwin //Mason, CP (1858), English Grammar: Including the Principles of Grammatical Analysis. London: Walton and Maberly.(1904), English Grammar: Including Grammatical Analysis. 41th edition London: George Bell & Sons. 1924.
8. Lyons J. Linguistic semantics: An introduction. Cambridge University Press, 1995.
9. Падучева Е. В. Высказывание и его соотносительность с действительностью : (Референц. аспекты семантики местоимений). М.: Наука, 1985. 271 с.
10. Quirk R., Greenbaum S., Leech G. N., Svartvik J. A grammar of contemporary English. London: Longman, 1972. V. 1985.
11. Sweet H. A New English Grammar: Introduction, phonology and accidence. Clarendon Press, 1891. V. 1.
12. Виноградов В. В. Русский язык: (Грамматическое учение о слове). М.; Л.: Гос. учеб.-пед. изд-во, 1947. 783 с.
13. Кубрякова Е. С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения. Роль яз. в познании мира. М., 2004. 555 с.
14. Якобсон Р. О. Избранные работы. М.: Прогресс, 1985. 455 с.
15. Ахматов Т. К., Омуралиева С. Киргизский язык: Фонетика, лексика. Фрунзе: Мектеп, 1990. 231 с.
16. Абдувалиев И. Кыргыз тилинин морфологиясы: «Кыргыз тили жана адабияты» адистиги боюнча жогорку окуу жайлардын. Бишкек, 2008. 284 б.
17. Осмонкулова Г. Неопределённые местоимения в кыргызском языке: семантические и прагматические особенности // Вестник БГУ. 2015. №3. С. 112–118.
18. Юдахин К. К. Киргизско-русский словарь: Около 40 000. М.: Сов. энциклопедия, 1965. 973 с.
19. Wierzbicka A. Understanding Cultures Through Their Key Words: English, Russian, Polish, German, and Japanese. New York: Oxford University Press, 1997.
20. Sultanova A. Pragmatic functions of indefinite pronouns in political discourse // Journal of Pragmatics. 2021. №180. V 45–59. <https://doi.org/10.1016/j.pragma.2021.01.010>

References:

1. Bondarko, A. V. (1999). *Osnovy funktsional'noi grammatiki: yazykovaya intepretatsiya i idei vremeni*. St. Petersburg. (in Russian).
2. Chomsky, N. (2014). *The minimalist program*. MIT press.
3. Cruse, A. (2004). *Meaning in language: An introduction to semantics and pragmatics*.

4. Evans, V., & Green, M. (2018). *Cognitive linguistics: An introduction*. Routledge. <https://doi.org/10.4324/9781315864327>
5. Haspelmath, M. (1997). *Indefinite pronouns* (p. 380). Oxford University Press. <https://doi.org/10.1093/oso/9780198235606.001.0001>
6. Huddleston, R., & Pullum, G. (2005). The Cambridge grammar of the English language. *Zeitschrift für Anglistik und Amerikanistik*, 53(2), 193-194. <https://doi.org/10.1515/zaa-2005-0209>
7. Jespersen, O. (1924). *The Philosophy of Grammar*, London: George and Allen & Unwin.
8. Lyons, J. (1995). *Linguistic semantics: An introduction*. Cambridge University Press.
9. Paducheva, E. V., & Uspenskii, V. A. (1985). Высказывание и его соотнесенность с действительностью: референциальные аспекты семантики местоимений.
10. Quirk, R., Greenbaum, S., Leech, G. N., & Svartvik, J. (1972). *A grammar of contemporary English* (Vol. 1985). London: Longman.
11. Sweet, H. (1891). *A New English Grammar: Introduction, phonology and accidence* (Vol. 1). Clarendon Press.
12. Vinogradov, V. V. (1950). *Russkii yazyk. Grammaticheskoe uchenie o slove*. Moscow. (in Russian).
13. Kubryakova, E. S. (2004). *Yazyk i znanie: na puti polucheniya znaniy o yazyke*. Moscow. (in Russian).
14. Yakobson, R. (1972). *Izbrannye raboty po yazykoznaniyu*. Moscow. (in Russian).
15. Akhmatov, A. M. (1981). *Sovremenniy kyrgyzskiy literaturnyy yazyk*. Frunze. (in Russian).
16. Kozhoshev, K. (2004). *Kyrgyz tilinin morfologiyasy*. Bishkek. (in Russian).
17. Osmonkulova, G. (2015). Neopredelennyye mestoimeniya v kyrgyzskom yazyke: semanticheskie i pragmaticheskie osobennosti. *Vestnik BGU*, (3), 112–118. (in Russian).
18. Yudakhin, K. K. (1965). *Grammatika sovremennogo kirgizskogo literaturnogo yazyka*. Moscow. (in Russian).
19. Wierzbicka, A. (1997). *Understanding Cultures Through Their Key Words: English, Russian, Polish, German, and Japanese*. New York: Oxford University Press.
20. Sultanova, A. (2021). Pragmatic functions of indefinite pronouns in political discourse. *Journal of Pragmatics*, 180, 45–59. <https://doi.org/10.1016/j.pragma.2021.01.010>

Поступила в редакцию
15.09.2025 г.

Принята к публикации
21.09.2025 г.

Ссылка для цитирования:

Шерматова А. М. Семантическая классификация неопределенных местоимений: типология и универсалии // Бюллетень науки и практики. 2025. Т. 11. №10. С. 462-471. <https://doi.org/10.33619/2414-2948/119/60>

Cite as (APA):

Shermatova, A. (2025). Semantic Classification of Indefinite Pronouns: Typology and Universals. *Bulletin of Science and Practice*, 11(10), 462-471. (in Russian). <https://doi.org/10.33619/2414-2948/119/60>